

Н. А. КРИВОВА
Московский университет
Р. Г. ПИХОЯ
Уральский университет

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ТРУДЯЩИХСЯ УРАЛА XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРНОЗАВОДСКИХ АРХИВОВ)**

Для исследования проблем, связанных с историей общественно-политической мысли трудящихся Урала XVIII в., необходимо привлекать источники, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, Центральном государственном историческом архиве СССР, государственных архивах Свердловской, Пермской, Тюменской областей, Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области; письменные источники, хранящиеся в фондах Свердловского областного историко-революционного музея, Пермского областного краеведческого музея, Нижнетагильского, Березниковского, Соликамского, Кунгурского краеведческих музеев; собрания учреждений, где находятся полученные в результате археографических экспедиций рукописные и старопечатные книги, в том числе отдела рукописей Библиотеки АН СССР, Древлехранилища им. В. И. Малышева Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, собрания рукописных и старопечатных книг Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, хранилища древних книг и рукописей Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Источники для изучения общественно-политической мысли трудящихся Урала XVIII в. чрезвычайно разнообразны. Задача их классификации может быть решена исходя из особенностей отражения исследуемого объекта в исторических источниках. Так как в самом определении - "общественно-политическая мысль" - мы исходим из того, что это способ реализации сознания класса, выражающий его отношение к господствующим политическим порядкам, служащий своеобразным средством социальной ориентации в обществе, то представляется возможным классифицировать источники по преимущественному отражению в них тех или иных объектов сознания. В данном случае по отражению в них политического, правового, религиозного, нравственного и философского сознания. Кроме того, в особую группу источников мы выделяем документы, отразившие общественное бытие народных масс.

Предлагая эту классификацию, авторы отдают себе отчет в том, что перечисленные здесь сферы сознания находятся в состоянии пос-

тоянного взаимодействия и взаимопроникновения¹, а также то, что исторические источники, как правило, обладают способностью отражать не одну, а несколько сфер общественного сознания. Однако предлагаемая классификация, по нашему мнению, позволяет полнее раскрыть специфику источников, привлекаемых для исследования общественного сознания и общественно-политической мысли трудящихся.

Итак, к *первой группе* мы относим источники, отражающие различные объекты сознания.

Источниками, по преимуществу отразившими *политическое сознание*, являются челобитные приписных крестьян, мастеровых и рабочих людей, направленные в заводские конторы, Сибирский обербергamt и Главное правление заводов, земские конторы, Тобольскую губернскую канцелярию, центральные учреждения Российской империи, сохранившиеся в фондах органов горнозаводского управления (ф.24 - Главное правление заводов, ф.643 - Главное управление заводов Демидовых, ф.29 - Уктусская заводская контора, ф.34 - Екатеринбургская контора судных и земских дел, ф.24 - Каменская заводская контора, хранящиеся в ГАСО; ф.47 - Тюменская воеводская канцелярия, ф.181 - Тюменская приказная изба и воеводская канцелярия в ГАО; ф.248 - Сенат и ф.271 - Берг-коллегия в ЦГАДА). В челобитных выражается "наивный монархизм" трудящихся, их отношение к заводским повинностям, представления о законности, об обязанностях местных и центральных органов власти по отношению к крестьянству, мастерам и рабочим людям.

Особое внимание исследователей привлекли челобитные, созданные в условиях значительного обострения классовой борьбы на Урале. Эти памятники политического сознания, созданные трудящимися, уже подвергались специальному источниковедческому анализу².

Ясное представление о формах политического протеста, его распространении, бытовании представлений об "антихристовой" природе государственной власти Российской империи дают документы секретного делопроизводства Главного правления Сибирских и Казанских заводов - "Книги секретных дел". В XVIII и почти на всем протяжении XIX в. эти документы сохранялись в Екатеринбургском архиве горного правления. После создания Пермской губернской ученой архивной комиссии (1889) они поступили в "исторический архив", который был создан при Пермской ученой архивной комиссии³. После ликвидации комиссии основная часть дел оказалась в ГАПО в составе фонда Пермской губернской ученой архивной комиссии (ф.297), меньшая часть - в библиотеке Пермского педагогического института.

Фонд этот уникален. Здесь хранится все делопроизводство по "слову и делу" и секретным делам, возбуждавшимся в подведомственных Главному правлению заводских поселках и приписанных к заводам селах и деревнях с 1735 г. до конца XVIII в. Секретное расследование заявлений по "слову и делу" началось в Екатеринбурге в канцелярии Главного заводов правления с 1735 г., очевидно, в связи с деятельностью В.Н.Татищева по разработке "Горного устава", большое место в котором заняло обоснование юридической автономии горных властей⁴. Эти документы свидетельствуют также, что и после ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел в 1762 г. и юридического запрещения расследований по "слову и делу" в канцелярии Главного заводов правления до конца XVIII в. велись следствия по политическим делам, с той лишь разницей, что они были еще более засекречены.

В "Книгах секретных дел" хранятся все протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, списки имущества обвиняемых, сделанные после обыска, переписка по делам следствия с различными учреждениями. Подобная полнота почти невероятна, так как по положению заявления "по слову и делу" могли рассматриваться и расследоваться только в Канцелярии тайных розыскных дел или, по менее важным случаям, в губернских канцеляриях⁵. На местах, а также в ведомственных архивах (Берг-коллегии, например) оставались лишь заявления о возбуждении дела и его передаче в Канцелярию тайных розыскных дел. Такое исключение из обычной практики объясняется высокой степенью автономии горных властей в первой половине - середине XVIII в.

Эти источники в своей совокупности ярко характеризуют политическое сознание населения Урала XVIII в.

Правовое сознание трудящихся отразилось в уже упоминавшихся выше челобитных, содержащих, как правило, развернутую юридическую аргументацию в защиту убеждений приписных крестьян, мастеровых и работных людей о незаконности различных форм феодальной эксплуатации, об их попытках сохранить или улучшить свой юридический и социальный статус⁶. "Неправое толкование е.и.в. манифестов", ставшее составной частью классовой борьбы народных масс Урала XVIII в., вызвало к жизни ряд указов правительства, опубликованных позже в Полном собрании законов Российской империи. Другими свидетельствами правосознания населения Урала XVIII в. могут служить юридические памятники, бытовавшие в этой среде, в частности Соборное Уложение 1649 г., Берг-привилегия и Берг-регламент, сборники действовавшего законодательства XVIII в.⁷

"Функциональность" этих правовых памятников, а также присущее правительственным манифестам и указам XVIII в. стремление убедить читателей и слушателей в "общенародной пользе" деятельности законодателей отводило манифестам и указам особое место в круге чтения народных масс. Эти документы служили своеобразным материальным воплощением идей "наивного монархизма" среди широких слоев трудящихся. В этом их значение как исторических источников для изучения правового сознания.

Религиозное сознание трудящихся в условиях Урала XVIII в. отразилось по преимуществу в делопроизводстве церковных учреждений. Особый интерес представляют документы, хранящиеся в ф.796 (Канцелярия Синода) ЦГИА, ф.156 (Тобольская Консистория) ТФ ГАТО, ф.85 (Тюменский Троицкий монастырь) ГАТО, ф.6 (Екатеринбургская духовная консистория) ГАСО. Они дают представление о своеобразии проявления религиозных воззрений в среде "заводов жителей" и крестьян приписных деревень и слобод Урала, о широком распространении раскола, проявлении религиозно-оппозиционных движений, типологически близких к протестантизму.

Исследованию внутренних процессов развития религиозного сознания способствует изучение рукописных старообрядческих сборников полемического и догматического характера. В этих источниках содержатся сведения о догматической практике старообрядчества, о постепенном отходе старообрядческих общин Урала от беглопоповства к беспоповству, о складывании здесь системы авторитетов распространенного на Урале толка "стариковщины" - часовенного согласия. Особое место в книжно-рукописной традиции урало-сибирского старообрядчества занимают исторические сочинения - "Родословия" различных толков местного старообрядчества - часовенных, филипповцев, поповцев⁸, отразившие идейное противостояние официальному православию, создание системы авторитетов уральского раскола, стремление найти исторические аргументы в полемике с официальной церковью. Сборники, служащие в качестве источников для изучения религиозного сознания, в большей части поступили в ходе археографических экспедиций, проведенных на Урале в 1974-1988 гг. В настоящее время они хранятся в составе территориальных собраний хранилища древних книг и рукописей Уральского университета.

Источники, отразившие *нравственное сознание* трудящихся Урала, еще не служили объектом специального исследования. Нам представляется возможным выделить среди них прежде всего нормативные сочинения - памятники покаянной дисциплины (епитимийники), бытовав-

шие в среде народных масс Урала XVIII в. Особый интерес среди них вызывают епитимийники, сохранившиеся в старообрядческой книжной традиции. Памятники покаянной дисциплины унаследовали в этой среде присущее им еще со времен Древней Руси качество - стремление к детальной регламентации различных сторон жизни и быта, а отсюда и способность реагировать на новые явления, оценивать их с позиций традиционных форм нравственности. К этой группе источников близки постановления старообрядческих соборов. В них содержались не только попытки ответить на наиболее актуальные для конкретного старообрядческого толка вопросы догматического порядка, но и стремление дать оценку и определить линию поведения паствы по отношению ко многим новым вопросам, которые ставила жизнь: от того, можно ли носить "новоманерное" платье, пить чай, до того, как должен заключаться брак, допустимо ли пользоваться паспортами и т.д.

Богатый материал о нравственном сознании, об отличиях норм нравственности демократических слоев населения от тех, которые навязывались абсолютистским государством, также не чуждавшимся попыток контролировать жизнь и быт своих подданных, содержат судебно-следственные материалы, в частности, находящиеся в делопроизводстве земских и заводских учреждений Урала XVIII в.

Для характеристики нравственного сознания народных масс могут быть привлечены и данные этнографических обследований заводов и деревень Урала, проводившихся в середине XIX в. по заданию Русского географического общества⁹. Эти материалы свидетельствуют об отношениях в семье, в заводских поселках и в деревнях Урала, о роли общественного мнения, установок, о системах авторитетов в жизни трудового люда Урала¹⁰.

Указывая на эту группу источников, необходимо учитывать и определенные сложности, связанные с их использованием. Они в значительной степени объясняются тем, что исследователи фиксировали быт, культуру жителей Урала, сложившиеся к середине XIX в., т.е. значительно позже изучаемого нами периода. Вместе с тем традиционность, присущая нравственному сознанию вообще и народных масс в особенности, позволяет использовать эти сведения для характеристики некоторых сторон нравственности XVIII в.

Философское сознание и его проявление в среде народных масс России эпохи позднего феодализма обладает значительным своеобразием. При феодализме "...церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия - все содержание этих наук приводилось в соответствие

с учением церкви"¹¹. В условиях господства теологии, когда философия еще не сложилась как самостоятельная область общественного сознания, развитие взглядов по коренным проблемам бытия и познания принимало еще специфически средневековые формы¹². Прежде всего укажем на произведения, воплощавшие канонические нормы "теологического мировоззрения" феодальной эпохи. Книги священного писания и толкования отцов церкви не только составляли существенную часть круга чтения народных масс феодальной поры (и Урала XVIII в., в частности). Они обладали нормативным значением, являлись безусловным авторитетом при объяснении мировоззренческих вопросов. Вместе с тем широчайшее распространение в среде народных масс Урала в этот период продолжали сохранять апокрифические сочинения, заговоры, духовные стихи; в которых можно обнаружить элементы пантеизма. В таких сочинениях содержалась резко отличающаяся от официально принятой в церковной идеологии схема свободы человека в мире, построенная с учетом возможности выбора и использования им двух противоположных сил - бога и его антипода.

Эти источники, бытовавшие на Урале, - апокрифические сочинения, духовные стихи, заговоры - сохраняются в ф.101 (Уральское общество любителей естествознания), ф.156 (исторические рукописи) ГАСО, а также в составе территориальных собраний хранилища древних книг Уральского университета. Кроме того, имеют ценность следственные дела по обвинению в хранении, переписке и использовании "волхитных книг", возбужденные в Главном правлении заводов в Екатеринбурге и в Тобольской консистории (ф.24 ГАСО и ф.156 ТФ ГАО).

Такие процессы, как вступление России в новый период истории, формирование и развитие абсолютистского государства, включение церкви в аппарат государства одним из своих следствий имели "разделение труда" в сфере духовного производства. В России периода позднего феодализма эти процессы осложнились еще и расколом церкви, появлением многочисленных направлений, возникших внутри православия и разорвавших организационные, а в ряде случаев и идейные связи с официальной церковью. В этих условиях в рамках староверия продолжает развиваться и существенно модифицироваться христианская философия истории. Эсхатологические ожидания, присущие христианству вообще, наполняются напряженным ожиданием скорого пришествия антихриста, признаки которого получают несомненную социальную окраску и отождествляются с самыми существенными для народных масс позднефеодальной России реформами абсолютистского государства -

проведением ревизий, введением подушной подати, паспортов, утверждением титула "император" и рядом других. Эти явления находят отражение в многочисленных эсхатологических сборниках¹³, а бытование высказывавшихся в них убеждений оценивается правительственными учреждениями России и Урала как преступление "по первому пункту" - против личности государя, о чем свидетельствуют упоминавшиеся выше "Книги секретных дел Главного правления заводов".

Вместе с тем, исследуя мировоззренческие представления трудящихся Урала XVIII в., необходимо учитывать и начавшуюся секуляризацию сознания прежде всего тех групп населения, которые оказались непосредственно причастными к горнозаводскому производству. Этому процессу способствовало светское в своей основе образование, получившее распространение благодаря созданию в крае весьма разветвленной системы школ, доступных для детей мастеровых и рабочих людей на казенных заводах и детей заводских служащих - на ряде частных, а также стихийно-материалистические представления, рождавшиеся вследствие самой природы промышленного производства на горнозаводских мануфактурах того времени. Свидетельством тому служат документы по истории школьного дела на Урале, книги, по которым осуществлялось обучение в них, а также документы об отношении трудящихся к заводскому труду, к производственному процессу.

Ко *второй группе* мы относим источники, отразившие общественное бытие трудящихся Урала XVIII в., условия жизни и труда, определявшие их общественное сознание. Среди этих источников исключительно важное значение имеют документальные комплексы по истории возникновения и развития уральской горнозаводской промышленности, сохраняющиеся в ф.271 (Берг-коллегия) в ЦГАДА, а также ф.24 (Уральское горное правление), ф.25 (Главная контора Екатеринбургских заводов), ф.29 (Уктусский золотопромышленный завод), ф.643 (Главное управление заводов Демидовых) ГАСО. Они позволяют судить о положении народных масс, вовлеченных в процесс создания заводов, о последовательном стремлении властей казенных и частных заводов изменить сословный статус государственных и монастырских крестьян, мелкого служилого люда. Среди этих источников - переписные и ревизские книги, указы и распоряжения органов горнозаводского управления (Берг-коллегии, Сибирского обербергамта, Главного правления Сибирских и Казанских заводов, многочисленных заводских контор). Конкретный механизм включения крестьян в "заводскую работу", а также и непосредственные формы протеста крестьян (отказ от выхода на работу, бегство, наконец, подача челобитных, где обосновыва-

дась невозможность выполнения заводских повинностей), могут быть исследованы на основании анализа делопроизводства земских контор, в частности, ф.24 (Каменская земская контора), ф.570 (Камышловская земская контора), ф.572 (Катайская земская контора) ГАСО.

Следует отметить взаимосвязь между документальными комплексами заводских учреждений и земских контор. Нередко среди документов земских контор встречаются распоряжения "Вышнего горного начальства", Сибирского обербергамта, а позже - Главного правления Сибирских и Казанских заводов и заводских контор, но кроме этого у исследователей возникает возможность проследить непосредственный механизм реализации принимаемых заводскими властями решений. Эти материалы содержат уникальный, заслуживающий специального исследования комплекс сведений о роли органов местного самоуправления в новых условиях, о попытках придать этим органам фискальные функции, возложить на них ответственность за обеспечение работ приписными крестьянами, а также о том, что в период усиления волнений крестьянское самоуправление отражало настроения большинства крестьян.

Указывая на взаимодействие между собственно заводским делопроизводством и решениями земских учреждений, следует особо отметить один из фондов, практически не использовавшийся учеными - ф.29 (Уктусский золотопромышленный завод) ГАСО. Уктусский завод, выстроенный казной в 1702-1704 гг., с начала 1721 г. стал местом, где обосновалось "Вышнее горное начальство" - первое из ряда учреждений, возглавлявших горное дело на востоке страны.

В фонде Уктусского завода сохранились уникальные данные о зарождении института приписного крестьянства, об объемах и структуре повинностей крестьян еще до введения подушной подати в России.

Подводя итог обзору источников по истории общественно-политической мысли, отметим существенные отличия в полноте освещения различных сторон этой темы. Больше всего источников, свидетельствующих об отношении к государственной власти, так как эти вопросы с неизбежностью присутствовали в многочисленных челобитных XVIII в., служили предметом специального разбирательства со стороны органов власти Российской империи. Весьма подробны сведения об отражении в общественной мысли трудящихся их борьбы против роста повинностей, приписки к заводам, наступления на основные права со стороны феодального государства и заводчиков. Многочисленны источники, характеризующие отношение крестьян, мастеровых и рабочих лю-

дей-староверов к официальной церкви, свидетельствующие о религиозном сознании народных масс.

Значительно меньше сохранилось документов, позволяющих раскрыть нравственное сознание, внутреннюю жизнь крестьянских "миров" Урала, заводских поселков XVIII в., судить об отношении представителей разных социальных групп к элементам самоуправления, сохранившимся в жизни горнозаводских центров. Только в исключительных, как правило, случаях отражалась в документах семейная жизнь крестьян, мастеровых и рабочих людей, мелкого люда Урала, те ценности и социальные установки, которые складывались в рамках семьи. Важными свидетельствами мировоззрения, духовной жизни трудящихся Урала конца XVII - XVIII в. были произведения, созданные в их среде, а также памятники письменности и печати, активно бытовавшие в ней. Однако значительная часть этих источников, отразивших культуру народных масс, дошла до нас в более поздних списках, сделанных уже в XIX и начале XX в. Причинами тому стали, с одной стороны, конфискации и истребление таких книг светскими и церковными властями Российской империи и, с другой стороны, стремление к сохранению памятников духовной культуры своих отцов и дедов их потомками - жителями Урала XIX - начала XX в., переписывавшими и хранившими эти произведения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См.: *Уледов А.К.* Структура общественного сознания: Теорет.-социол. исслед. М., 1968. С.206-218.

² См., в частности: *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII в.: К вопросу о формировании пролетариата в России. М., 1979. С.45-49; *Черкасова А.С.* Челобитные мастеровых и рабочих людей как исторический источник по истории положения и классовой борьбы трудящихся Урала // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С.16-29.

³ См.: *Золотов Е.* Секретные дела "слово и дело" за 1746 и 1747 гг. в пределах нынешней Пермской губернии: Извлечение из исторического архива Пермской ученой архивной комиссии // Тр. Перм. губерн. арх. комис. Пермь, 1915. Вып.12. С.233-250.

⁴ ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.3123. См. также: *Горловский М.А., Павленко Н.И.* Материалы совещания уральских промышленников в 1734-1736 гг. // Ист. арх. М., 1953. Вып.9. С.5-155.

⁵ Подробнее о порядке следствия по "слову и делу" см.: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С.30-35.

⁶ См.: Раскин Д.И. Использование законодательных актов и крестьянских челобитных XVIII века: (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1979. № 4. С.179-192.

⁷ См.: Аллаярова В.С., Пихоя Р.Г. К истории формирования политической мысли приписного крестьянства и мастеровых людей Урала XVIII века // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С.89-94.

⁸ См.: Покровский Н.Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века // ТОДРЛ. Л., 1976. Т.30. С.160-183; Очерки русской литературы Сибири. Т.1: Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. С.161-170; Байдин В.И. Новые материалы об организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества конца XVIII - первой половины XIX в. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С.93-109; Мосин А.Г. Новые источники по истории культуры и общественной мысли вятского крестьянства XVIII-XIX вв. // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С.82-96; Соболева Л.С., Пихоя Р.Г. Царский секретарь Игнатий Воронцов и донской казак Игнатий Воронков: (К истории новонайденной повести "Родословие поморской веры на Урале и в Сибири") // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С.60-81.

⁹ Об опубликованных этнографических описаниях XIX - начала XX в. см.: Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. СПб., 1913. О неопубликованных описаниях, хранящихся в архиве РГО, см.: Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Пг., 1913-1916. Вып.1-3.

¹⁰ См.: Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири. XVIII - первая половина XIX в. Новосибирск, 1975. С.23.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.495.

¹² См.: История философии в СССР. М., 1968. Т.1. С.32.

¹³ См.: Гурьянова Н.С. Царь и государственный герб в оценке старообрядческого автора XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода: Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1982. С.80-86.